

Кольцевая

На жизнь хватало—рублёвки мятой,
И жизнь бурлила, а не стекала...
Как газировка из автомата—
С дымком сиропа на дне стакана!

На жизнь хватало—звонков трамвая,
Колёс и рельсов вечерней спевки...
И кружки пива, где кольцевая,—
За двадцать вроде... и две копейки!

И с губ ронялись, помимо сора,
Слова, что жили—лучась, кручинясь.
И жизнь сходилась для разговора
О том, что с нею, дурной, случилось.

И всё, что лили в Кремлёвском зале,
Тут и паялось, тут и лудилось,
И не делилась, не распозалась
Страна большая—в кружок сходилась.

...Всё разобрали—страну и рельсы—
На лом, в карманы... Где кольцевая,
Сигналят в пробках «рено» и «мерсы»,
А я, сутулясь, всё жду трамвая.

Заснять себя, успеть!—
Вошло так скоро в моду...
И сбросить снимки в Сеть,
Как козырей колоду.
Забава, но за ней—
Зеркальность лужи грязной:
«Я круче! Козырной!
Раскованней! Развязней...»
Мне жить в миру таком
Темно... Себя не жалко:
Дрожащим костерком
К реке смеркавшей жался.
И тень моя была
На той воде—живая!
И на висках зола
Густела, остывая.
Ни снимка, ни следа...
Но всё, что жглось и тлело,
Текучая вода
Дотла запечатлела.

Памяти Союза

Навек ли, навсёды, завжды—
Мрак беловежского деянья?
Неуж от братьев невражды
Мне ждать теперь—как подаянья?

Не дружбы, не сиянья глаз
В больших трудах, в застоле тесном...
Неужто жить теперь без нас
Победам нашим, нашим песням?

Так странно: прямо из кино,
Тая в груди лишь жажду мщенья,
Ушли Саид и Мимино
В свои пески, в свои ущелья.

Ликуют, что пропал Союз,
Что ими, как Тарас, замучен,
Отрывок «Нет священной уз...»—
Ведь он на русском был заучен!

...Горюя, в крике не зайдусь
И, может, в дни прозрений трудных
Хоть тихих слёз от них дождусь—
Не напоказных, не прилюдных.

Хоть—молчаливой невражды...
И будет это «подаянье»—
Навек ли, навсёды, завжды?—
Как траур. И—как покаянье.

На листопаде золотом...

Не знаю, много ль смысла в том—
Забыв свои года,
На листопаде золотом
Не говорить—гадать!

В том баловстве немолодом
Ловить, глаза закрыв,
Не лист случайный на ладонь,
А—талък незримых крыл.

И знать: с немеющей руки
Твоей—в незримый сад
Лимонницы и мотыльки,
Закрыв глаза, летят...

● ● ●
Элегии в ночи читают ивам,
Сырой лозе, обнявшей мель и мыс...
А что прочтёшь глухим речным обрывам—
И вязам, что не зря не смотрят вниз?

Грусть не привьёшь здесь сыролозным, ивным,
Живым и гибким влажным черенком.
И грудь полна молчанием обрывным—
Сухих корней шершавым языком.

И смыслы слов—подсудны и повинны
В том, что других ты не сыскал нигде.
И шёпот твой—комочек обрывной глины,
Промеж корней катящийся к воде...

Не чужое

Николаю Алешкову

1.
Делаю я многое неловко—
Там, где город водит хоровод.
Только деревенская сноровка
Всё ещё в руках моих живёт!
Вот со сценой, скажем, напряжёнка:
Будто бы стою на сквозняке.
Ну а топорище и ножовка—
Как влитые, точно по руке!
Прогоню щепу, ножовкой вжикну—
И задумки внучкины сбывлись!
Коля, как ты думаешь, привыкну
К людям выходить из-за кулис?

Как я тяжело стихи читаю...
Будто на уливе чернозём
Штыковой лопатою пластаю—
Чуть не полгектара за разóm!

А ведь говорю я—не чужое...
Но из детства—и через судьбу—
Всё несут доярки вёдра с жомом,
Тащат в ряднах силос на горбу.

А в щелястой кузне (через выгон—
Два шага) с утра и дотемна
Железьяку жизни Васька Цыган
Правит, выцепляя из горна́.

Мне, как в той щелястой кузне, чадно:
Может, зря я пред людьми стою?
Может, слишком мелко и нарядно
То, что лёгким пёрышком кую?

Иль напрасно на себя серчаю?
...Как слова мне губы холодят!
Из далёких лет односельчане
В детские глаза мои глядят.

2.

Что осталось? Лишь недуг да хворость.
Густо зеленевшие вчера,
Высохли слова мои, как хворост
Возле обмелевшего Хопра.

То, что было стёжкой к бате, к маме,
То, что жизнь держало как в плену,
Догорев, лишь сизыми углями
Ночью смотрит в очи на Дону.

Ночь. И перевоз не докричаться.
На болотах—выпи крик больной.
Но не хочет родина прощаться.
Остаётся родина со мной.

Мамин вздох: излуки да лиманы...
Полынок на батином следу.
...И опять на строчки жизнь ломаю—
И на угли сизые кладу.

На белом свете...

Динамик хриплый на перрон нас вынес,
Велел спешить, а тут—то снег, то дождь...
Нет, я не сдался злой судьбе на милость,
Когда земля ушла из-под подошв!

Там, за стеклом, плафон свеченьем налит,
А тут—сквозит больная полумгла...
И я, найдя слепым ботинком наледь,
Свет белый обнял—там, где ты была!

И было нам тепло на белом свете,
Хоть он с утра и льдистый, и сырой...
Хоть нужно ждать мне на площадке третьей,
Ну а тебе, похоже,—на второй.

А на весах небесных гирька «против»
Всегда весомей звонкой гирьки «за».
А мы с тобой, земные плоть от плоти,
Глаза в глаза стоим, глаза в глаза!

И диктор, в наши судьбы посвящённый,
Устав просить, нас на испуг берёт.
А мы всё улыбаемся смущённо,
А нас толкает сумками народ!

А нам ещё тепло на белом свете,
Хоть он с утра и льдистый, и сырой.
Хоть нужно ждать мне на площадке третьей,
Ну а тебе, похоже,—на второй...

И этот вот нечаянный припев мой,
Мне кажется, сквозь годы слышишь ты.
И те, что сбивлись у площадки первой,
Ещё глядят на нас, разинув рты...